

М. В. Нечкина

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ¹

Либеральная легенда о непричастности Пушкина к революционному движению родилась у постели умирающего поэта. Ее авторы — В. А. Жуковский и П. А. Вяземский — приняли меры, чтобы «спасти» репутацию крамольного Пушкина хотя бы после его смерти. Их разговоры и письма создали образ аполитичного Пушкина. «Какой он был политический деятель! Он был поэт и только поэт!» — писал Вяземский².

Составным элементом легенды было противопоставление Пушкина до 1825 г. Пушкину после 1825 г. При этом монархические убеждения и преданность Пушкина самодержавию во второй период считались бесспорными. Жуковский, правда, с головою выдал себя, сочинив обращенные к Николаю предсмертные слова Пушкина: «был бы весь его». Сослагательное наклонение Жуковскому пришлось применить и в формулировке, что гений Пушкина «вспыхнул бы к чести Николая», если бы поэт остался жив. И в том и в другом случае было невозможно применить изъявительное наклонение: Николай I не поверил бы ему. Друзья Пушкина пытались таким способом спасти и материальное благополучие его семьи и право на новые издания его произведений. Эту легенду приняла и развила дальше дворянско-буржуазная наука. Образ «аполитичного» Пушкина, «только поэта» нашел в ней широчайшее применение. Легенда эта ни в малейшей мере не соответствует исторической действительности. Во всей истории дореволюционной литературы не найти ни одного гениального поэта, который был бы теснее, чем Пушкин, связан с революционным движением своей страны.

¹ Статья печатается в сокращенном виде; полностью работа автора публикуется в журнале «История Марксизма».

² Письмо П. А. Вяземского см. в кн. П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Птр., 2-е изд., стр. 267, 1917.

Искажение подлинного облика Пушкина не является единичным случаем в истории науки. Легенды такого же типа складывались неоднократно. Так, Пьпин развил либеральную легенду о декабристах, «доказывая» их полную непричастность к революции. Сложилась либеральная легенда и вокруг Льва Толстого, начисто отрывавшая его от революционных событий его времени. Легенда эта была разоблачена Лениным. Даже вокруг знаменитого восстания в Бездне в 1861 г. ухитрился герценовский «Колокол» (в тактических целях, конечно) сложить либеральную легенду о полном якобы отсутствии революционного элемента в этом крестьянском протесте против условий барской «воли».

Пушкина нельзя понять без раскрытия его глубоких и крепких связей с революционным движением его времени, как невозможно понять и движение декабристов без раскрытия идеологической роли в нем Пушкина.

«Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков», — писал Пушкин своему другу Вяземскому 10 июня 1826 г. О факте близости Пушкина с декабристами, об их дружеских отношениях было известно давно. Но дореволюционное исследование не могло и не хотело вскрыть всю глубину взаимоотношений Пушкина и декабристов. Она доступна только нашему времени. Дворянско-буржуазная наука усиленно замазывала эту сторону дела, да не обладала для этого и полнотой исторических данных. Вопрос этот обычно освещался в плане личных знакомств Пушкина с декабристами или впечатления, которое казнь декабристов произвела на Пушкина. Их *идейная* близость обходилась молчанием, как и идеологическая роль произведений Пушкина для декабристов (для изучения последней, кстати, не было и нужного материала: внутренняя история тайных обществ не была изучена).

Пушкин не был декабристом, но история его политического сознания тесно связана с декабристами и его революционные стихотворения сыграли большую идеологическую роль в декабрьском движении. Поэтому ни Пушкина нельзя понять без декабристов, ни декабристов — без Пушкина.

Политическая идеология Пушкина открывается тем же ключом, какой дан Лениным для исследования движения декабристов в целом. Ленин начинает декабристами историю революции. Он дает им почетное имя революционеров и одновременно дает классовое определение их революционности: декабристы — дворянские революционеры.

Крайне неправильно прилагать к Пушкину внеисторический кри-

терий «революционности вообще». Тот этап революционного развития в России, с которым соприкасаются годы жизни и творчества Пушкина, характеризуется Лениным как этап «дворянской революционности»¹. Ленин писал: «Освободительное движение в России прошло три главных этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 г.; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 г.; 3) пролетарский с 1895 г. по настоящее время. Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен»². В самом термине «дворянская революционность» Ленин оттенил классовую ограниченность движения и, вместе с тем, подчеркнул его революционную суть.

Революционность Пушкина включается в очерченный Лениным круг дворянской революционности. Она классово ограничена: ей присуща боязнь массового движения и крестьянского бунта, для нее характерна тактика военной революции. Но это было первое революционное движение против царизма — не стихийное, а организованное и освященное политическим сознанием. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма», — говорил Ленин в Цюрихе рабочей молодежи в 1917 г. в докладе о революции 1905 г.³ Ленин считал, что мы должны гордиться декабристами: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов...», писал Ленин в статье «О национальной гордости великороссов»⁴.

Революционность декабристов и революционность Пушкина — явления одного и того же порядка, развитие которых идет одним и тем же путем. После разгрома восстания декабристов Пушкин начинает расти в сторону демократической революционности следующего этапа, определенного Лениным, — он устанавливает связи с Белинским, тяготеет к разночинскому кругу идей.

Ода «Вольность» (1817) написана восемнадцатилетним Пушкиным только что сошедшим с лицейской скамьи. Она навеяна знаменитой одноименной одой Радищева: «вслед Радищеву восславил

¹ Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. X, стр. 39.

² Там же. Т. XVII, стр. 341—342.

³ Там же. Т. XIX, стр. 348.

⁴ Там же. Т. XVIII, стр. 81, курсив Ленина.

я свободу», — писал позже Пушкин. Большое влияние на Пушкина имела в то время семья Тургеневых, один из членов которой — Николай Тургенев — в скором времени вступил в тайное общество декабристов. (Мрачный символ Павловского царствования — Михайловский замок, образ которого дан в «Вольности», был виден из окон квартиры Тургеневых, где и была написана ода).

В 1817 г. уже существовала тайная организация декабристов — Союз спасения (1816—1818). Ближайший друг Пушкина И. И. Пущин был членом союза. Основным политическим требованием организации было завоевание конституционной монархии. Враждавший в кругу членов тайного общества Пушкин жил теми же политическими идеями.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью Святой
Законов мощных сочетанье.

Пушкин дерзал воспевать ограничение тирана законом в мрачную пору «Священного союза», в стране крепостных рабов и неограниченного самодержавного произвола, военных поселений и аракчеевского застенка. «Вольность» грозила тиранам «кровавой плахой вероломства» или омерзительной для поэта расправой в царской спальне — дворцовым переворотом, расправившимся с Павлом I. Для Пушкина были неприемлемы оба пути.

Некоторые исследователи, пытавшиеся умалить политическое значение лозунгов «Вольности», подчеркнуть их «умеренность», прилагали к ее идейно-политическому содержанию термин «жирондизма». Но жирондисты — партия, существовавшая в эпоху уже победившей французской революции, действовавшая наряду с другими — более левыми — партиями, а «Вольность» — произведение, возникшее в мрачной самодержавной стране, где революция была лишь далекой перспективой. В такой обстановке внешне якобы очень «умеренный» лозунг конституционной монархии звучал по-особенному. Понимать его здесь как либеральный лозунг «мирного» прогресса значит подходить к нему с кадетской точки зрения. Эта точка зрения разоблачена Лениным в работе «Об оценке текущего момента» (1908). «Нельзя не вспомнить, — писал Ленин, — замечательно глубокого указания Энгельса... на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс ука-

зал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей решительную борьбу феодалов и буржуазии»¹.

Кроме кадетской оценки «Вольности», как умеренно-либерального, «мирного» произведения встречается еще одна глубоко ошибочная оценка, к сожалению, нашедшая место в массовом издании — в пушкинском одномомнике Гослитиздата, вышедшем полумиллионным тиражем. Автор помещенного здесь биографического очерка «Пушкин» Б. Томашевский утверждает, что идеология «Вольности» есть идеология... французского легитимизма². Что общего у «Вольности» с контрреволюционной черносотенной теорией «законности» династий, свергнутых революцией с престола?! Никогда, ни на одном этапе своего существования теория легитимизма не была прогрессивной. Перед глазами пушкиниста к тому же имеется живой пример носителя подобной идеологии — легитимиста Дантеса. Уже одно это должно было бы предохранить от подобной ошибки. Неужели же «Вольность» написана с политических позиций Дантеса? Такое утверждение было бы чудовищным.

Во имя «Закона», ограничивающего власть «тирана», Пушкин бросает в «Вольности» открытый призыв к восстанию. «Восстаньте падшие рабы!» — эти слова Пушкина обращены к народным массам.

Крайне неправильно считать аргументом за «нереволюционность» оды «Вольность» отрицательное отношение Пушкина к убийству Павла I. Это отрицательное отношение вообще было свойственно декабристам. Они не пошли путем дворцового переворота — они вышли во главе войск на площадь столицы, перед лицом народа, — открыто, с оружием в руках. «Серальный переворот был для них противен», — метко схватил Герцен эту черту декабристов³.

Вот что пишет о расправе с Павлом I один из самых левых декабристов — А. Поджио в своих «Записках»: «Пьяная, буйная толпа заговорщиков врывается к нему и отвратительно, без малейшей пражданской цели, его таскает, душит, бьет... и убивает!.. Убийцы были напращены; за ними был легкий и жалкий успех! Нет, не они нам пример»⁴.

Строфы Пушкина в «Вольности» о расправе с Павлом I — отражение точки зрения декабристов. Надо подчеркнуть особую крамоль-

¹ Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. XII, стр. 379. Курсив Ленина.

² А. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского, ГИХЛ, стр. XXXII, 1936.

³ А. И. Герцен. Письмо к Александру II (по поводу книги барона Корфа): Собр. сочинений под ред. Лемке, т. IX, стр. 32.

⁴ А. Поджио. Записки, сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 20-х годов». М., стр. 62, 1931.

ность этих строк: Пушкин осмелился говорить о «стыде» и «ужасе» тайного убийства в дворцовой спальне, когда участник убийства сидел на престоле. Недаром ода «Вольность» и явилась основной причиной ссылки Пушкина на юг.

В 1817 г. Союз спасения был ликвидирован, и возникло второе тайное общество — Союз благоденствия.

В этом новом обществе будущие декабристы принимают и новую тактику — они стремятся организовать широкое общественное мнение против монархии Александра I и Аракчеева, создать широкую массовую тайную организацию. По замыслу декабристов, в Союз благоденствия должны были приниматься не только дворяне, но и купцы, мещане, попы, некрепостные крестьяне. Цель тайного общества, по показанию Пестеля, остается революционной и на этом этапе. Союз благоденствия должен широко развить вокруг себя сеть филиалов — литературных, педагогических, женских и всяких других вольных обществ, действующих в его духе. Одним из его филиалов было тайное литературное общество «Зеленая лампа», собиравшееся на квартире друга Пушкина — Н. Всеволожского. Пушкин был активнейшим членом этого филиала Союза благоденствия. В старой буржуазной литературе было высказано о «Зеленой лампе» глубоко ложное мнение, не имевшее ничего общего с исторической действительностью: «Зеленая лампа» обрисовывалась, как светское общество молодых ловеласов, связанных кутежами и общими любовными приключениями. К сожалению, эту фальшивую характеристику некоторые исследователи пытаются возродить и сейчас. Против нее говорят документы. Политическая сторона этого тайного литературного общества несомненна, особенно после опубликования Б. Л. Модзалевским остатков архива «Зеленой лампы». Сохранился замечательный документ о политических идеалах «Зеленой лампы». На одном из заседаний член «Зеленой лампы» — вероятно Улыбышев — прочел сочиненную им утопию под названием «Сон». Вполне вероятно, что завсегда той «Зеленой лампы» Пушкин был в числе слушателей этой утопии. Улыбышев описывал будущую послереволюционную Россию, будущий Петербург, якобы увиденный им во сне, и подчеркивал, что его «Сон» характеризует политическое мнение не его одного, но и всех членов «Зеленой лампы». Мрачный символ павловского гнета — Михайловский замок превратился в этой утопии в «Дворец государственного собрания», Аничков дворец стал «Пантеоном», но среди собрания статуй великих людей не было статуи Александра I. Вместо монастыря — триумфальная арка, «как бы воздвигнутая на развалинах фанатизма». Освобожденный народ забыл о христианстве и

православии — в величественном храме отправляется новый культ, похожий на культ «Высшего существа» в эпоху Конвента. На том берегу Невы возвышается открытое для всех и для всех равное «Святилище правосудия». Уничтожен и герб империи — двуглавый орел — «символ деспотизма и суеверия»; вместо него принят герб, изображающий феникса, парящего в облаках и держащего в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника... Но сон прерывается. Автор просыпается от звуков рожка и барабана и воплей пьяного мужика, которого тащат в участок...

Пушкин посвятил «Зеленой лампе» и ее членам не одно стихотворение. Он ярко отразил ее политический характер в незаконченном «Послании к «Зеленой лампе».

Горишь ли ты, Лампада наша,
Подруга бдений и пиров,
Кипишь ли ты, золотая чаша
В руках веселых остряков?..

Он говорит о том скрепленном взаимной клятвой союзе,

Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство.

Красный фригийский колпак — символ революционной Франции — недаром вспомнился Пушкину в этом послании.

Повидимому, причастность Пушкина к Союзу благоденствия не исчерпывается его участием в финале Союза — «Зеленой лампе». Напрашивается предположение, что Пушкин был участником заседаний и самого Союза. Об этом с большой отчетливостью говорят дошедшие до нас отрывки X песни «Евгения Онегина». В описании «сходок» Союза благоденствия Пушкин включает себя в круг его членов:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи¹

.....
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры

¹ Никита Муравьев и Илья Долгоруков — в этот момент оба члены Союза благоденствия.

И вдохновенно бормотал.
 Читал свои нозли Пушкин,
 Меланхолический Якушкин,
 Казалось, молча обнажал
 Цареубийственный кинжал.
 Одну Россию в мире видя,
 Преследуя свой идеал,
 Хромой Тургенев им внимал
 И, плети рабства ненавидя,
 Предвидел в сей толпе дворян
 Освободителей крестьян.

Нарисованная Пушкиным картина заседания тайного общества теснейшим образом связала его самого со всем декабристским коллективом, сделала его свидетелем важнейших моментов жизни тайного общества.

Стихи Пушкина «К Чаадаеву» (1818), «Noël» (1818), «Деревня» (1819) отражали основные политические требования тайных обществ, — их борьбу против самодержавия и крепостного права. В стихотворении «Деревня» Пушкин пишет:

Здесь братство дикое, без чувства, без закона,
 Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время земледельца.
 Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
 Здесь рабство тощее влачится по браздам
 Неумолимого владельца.

Этот яркий протест против крепостного права играл огромную агитационную роль в декабристской среде. Здесь с большой полнотой дана формула крепостного права — присвоение труда, собственности и времени земледельца насильственной лозой.

В сатирической рождественской песне «Noël» Пушкин остро высмеял конституционные обещания Александра I:

Ура! В Россию скачет
 Кочующий деспот¹.
 Спаситель горько плачет,
 А с ним и весь народ.

¹ Александр I, игравший руководящую роль в контрреволюционном Священном союзе, почти все время жил за границей. Слова о прусском и австрийском мундире — намек на Священный союз.

Мария в хлопотах Спасителя спрашает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь,
Вот бука, бука — русский царь».

Царь входит и вещает:

«Узнай народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

Закон постановлю на место вам Горголи¹,

И людям — все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле,
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай, бай, закрой свои ты глазки,

Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Против «самовластия» агитировало и «Послание к Чаадаеву»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластия
Напишет наши имена.

В мае 1820 г. Пушкин был сослан на юг. Ода «Вольность» и огромная агитационная сила других его стихов были главной причиной ссылки. «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает», — сказал Александр I директору лицея Энгельгардту².

Ссылая Пушкина на юг, Александр I и не предполагал, что бросает поэта в кипящий революционный котел, — самый бурный, какой

¹ Горголи — петербургский полицмейстер.

² И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М. 120 стр. 1925.

только существовал тогда в России. На юге в 1820 г. действовала наиболее радикальная южная управа Союза благоденствия, значительная ячейка которой находилась в Кишиневе. Глава этой кишиневской ячейки декабрист Михаил Орлов, Владимир Раевский, генерал П. С. Пущин — таков был круг близких знакомых Пушкина, членов тайного общества.

Когда декабрист Якушкин приехал на юг для созыва делегатов на московский съезд Союза благоденствия, он встретился с Пушкиным в имении Давыдовых — Каменке. В этом революционном гнезде южных декабристов Якушкин прочел Пушкину его «Noël» — стихи уже успели широко распространиться. Вообще в России того времени, по свидетельству Якушкина, «не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии», который не знал бы наизусть вольнолюбивых стихов Пушкина¹. Желая сбить с толку Раевского, подозревавшего о тайном обществе, декабристы инсценировали в Каменке собрание для обсуждения вопроса, нужно ли существование в России тайного политического общества. Пушкин с жаром защищал его необходимость. Сначала декабристы представили дело так, что в России действительно существует тайное общество, потом Якушкин расхохотался и все объявил шуткой. Все смеялись, кроме Пушкина, который был очень взволнован. «Он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом, но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал раскрасневшись и сказал со слезой на глазах: «я никогда не был так несчастлив как теперь, я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен»², — пишет в своих записках декабрист Якушкин.

Формально Пушкин не был принят в тайное общество. Тому были разные причины. С одной стороны, декабристы оберегали поэта от превратностей жизни члена тайной организации, с другой — сомневались в том, что Пушкин сумеет сберечь тайну, потому что он открыто проповедывал против правительства во всех кишиневских кофейнях. Но ни разу вопрос об идейном расхождении не выставлялся декабристами как причина непринятия Пушкина в члены. Наоборот, декабристы неоднократно подчеркивали, что идеологических расхождений между ними и Пушкиным не было.

В Каменке же накануне съезда Союза благоденствия декабри-

¹ И. Д. Якушкин. Записки. М., стр. 51, 1925.

² Там же. 53.

Н. Кузьмин. Пушкин среди декабристов

„...У них свои бывали сходки...“ («Евгений Онегин»)

На рисунке изображены: Трубецкой, Н. Муравьев, Чаадаев, Н. Тургенев, Кюхельбекер, Пушкин (стоят); Якушкин, Лувин, Пушкин (сидят)

стам было не до приема новых членов: тайное общество стояло на пороге своей ликвидации. Старая тактика уже не удовлетворяла членов тайного общества. «Союз благоденствия, казалось нам, дремал. Он слишком был ограничен в своих действиях», — писал в своих «Записках» декабрист Якушкин¹. Тактика подготовки широкого общественного мнения к конституции очень медленно действовала — достижения цели не было видно. Какой же тактики держаться, какая скорее приведет к цели?

Западная Европа 1820 г. дала ответ на этот вопрос. Она выдвинула тактику военной революции. Пример показала революционная Испания. В 1820 г. офицер испанской армии дон Рафаэль дель Риэго и полковник Антонио Квируга стали во главе революционных войск и добились от короля Фердинанда VII восстановления конституции 1812 г. и манифеста о созыве кортесов. Восстание в Неаполе и Пьемонте, греческое восстание под руководством Ипсиланти, военное восстание в Португалии, попытки военного переворота во Франции — все эти события в Европе начала 20-х годов говорили декабристам о новой тактике.

Испанская революция была встречена декабристами восторженно. Ярко отразил это отношение Николай Тургенев в своем дневнике: «Слава тебе, славная армия Гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству. Бывшие нынешние инсургенты... сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституцию, без которой Гишпания не может быть благополучна; объявили, что может быть предприятие им не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но что память о их предприятии, память о конституции, о свободе будет жить и останется в сердце гишпанского народа»².

Съезд Союза благоденствия собрался в Москве в январе 1821 г. Было постановлено ликвидировать тайное общество. Делегаты юга Бурцев и Комаров повезли эту весть на юг. Пестель и группа активных членов южной управы Союза благоденствия не согласились с постановлением съезда и организовали на новых началах Южное общество декабристов. Это произошло в марте 1821 г. Новое общество приняло тактику военной революции, выдвинуло требование республики и приняло решение о цареубийстве. Было решено действовать «посредством войск». «Наша революция будет подобна революции испанской — она не будет стоять ни единой капли крови,

¹ Там же, стр. 44.

² Ник. Тургенев. Дневники и письма. Т. III. стр. 225—226, 1921.

ибо произведется одною армией без участия народа»¹, говорил декабрист Бестужев-Рюмин, вместе с Сергеем Муравьевым-Апостолом возглавлявший Васильковскую управу Южного общества.

Встреча Пушкина с Пестелем в Кишиневе произошла 9 апреля 1821 г., — почти что в самые дни основания Южного общества. «Утро провел с Пестелем, — записал Пушкин в своем дневнике. — Умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur es: matérialiste, mais ma raison s'y refuse². Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и пр. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

И позже не раз рука Пушкина чертила профиль казненного Пестеля на полях рукописей.

Вопросы революционной тактики волновали Пушкина. Пушкин также становится на сторону военной революции. В стихотворении, обращенном к члену тайного общества генералу П. С. Пушкину, он называет его «грядущий наш Квирига». П. С. Пушкин был председателем масонской ложи «Овидий» в Кишиневе, Пушкин и его друг декабрист Владимир Раевский состояли членами этой ложи. Ложа, несомненно, занималась и политическими вопросами. Позже Пушкин предупреждал Жуковского о трудностях заступничества за него и, перечисляя свои политические вины, указывал: «Я был массон в кишиневской ложе, т. е. той, за которую уничтожены в России все ложи».

В послании к Давыдову Пушкин выражал уверенность, что революция вспыхнет и в России.

Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся...

Недавно найденный дневник Долгорукова дает нам представление о политических взглядах Пушкина в период его пребывания на юге. Пушкин открыто говорил, что «тот подлец, кто не желает перемены правительства в России», выступал против крепостного права, считал самым уважаемым сословием в России — земледельческое, а дворян — по его словам — «надо бы всех перевесить», и если бы это было сделано, то «он с удовольствием затягивал бы петли».

В 1821 г. Пушкин написал стихотворение «Кинжал», сыгравшее большую агитационную роль в декабристской среде. Здесь воспевает он образ Брута — республиканца и цареубийцы, образ высоко возне-

¹ И. И. Горбачевский. Записки и письма. М., стр. 73, 1925.

² «Сердцем я материалист, но разум мой этому противится».

сенный в публицистике и художественном творчестве великой буржуазной французской революции.

Нельзя не отметить личное мужество Пушкина, не прекращавшего в ссылке своих выступлений против царя.

Окажу ль судьбе презренье,
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

писал Пушкин позже. И он был прав, называя свою юность гордой.

В 1823 г. испанская революция была раздавлена французской интервенцией. Французские войска вступили в Мадрид, была восстановлена власть Фердинанда VII. Декабристы поставили под сомнение правильность тактики военной революции. Почему массы не поддержали вождей военной революции? Вопрос о народных массах, недостаточно вовлеченных в революцию, о массовом движении и его роли в революции ставится перед декабристами. Тайное общество переживает кризис. Пестель показывает следственной комиссии: «В течение всего 1825 года стал сей образ мыслей (т. е. революционный — М. Н.) во мне ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно было уже совершить благополучно обратный путь».

В Каменке в 1823 г. было собрано тайное совещание декабристов по вопросу о причинах поражения испанской революции. Неизвестно, дошли ли до Пушкина отголоски споров декабристов по этому вопросу, но и в этом случае его настроения совпадали с настроениями декабристов. Стихи Пушкина «Свободы сеятель пустынный» отражают сомнения Пушкина в том, что народные массы окажут поддержку революции. В творчестве михайловского периода мы встречаемся с новой темой, захватившей Пушкина, — с вопросом узурпации власти и массового народного движения («Борис Годунов»). В уста своего предка Пушкин вложил слова, противопоставляющие силу войска силе народного мнения:

Знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением — да, мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему

Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

11 января 1825 г. Пушкина в его михайловской ссылке посетил И. И. Пущин. Эта дата является знаменательной в истории отношений Пушкина с декабристами. Пущин открыл своему другу существование тайного общества. Пушкин сейчас же поставил в связь сообщение члена Северного общества Пущина с деятельностью южной организации. Пушкин вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый¹ год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать»². Известно, что Пушкин узнал о готовящемся аресте Вл. Раевского и успел предупредить своего друга (Раевский был арестован в феврале 1822 г.). Очевидно, осведомленность Пушкина о тайном обществе была значительна и до сообщения Пущина.

Но этого мало. Пушкин знал не только о самом существовании тайного общества, он знал и о планах его выступлений, о самом заговоре. В январе 1826 г. он с полнейшей ясностью пишет об этом Жуковскому, стремясь смягчить свою вину лишь тем, что о заговоре «все» знали. «Мудрено мне требовать твоего заступления перед государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам...»³.

В записках декабриста Лорера сообщается, что незадолго до 14 декабря Пущин вызвал Пушкина на свидание в Петербург. Конечно, Пущин не мог вызвать друга, находившегося в ссылке, для простого приятельского свидания. Повидимому, вызов этот надо поставить в связь с подготовкой событий 14 декабря. Пущин мог информировать Пушкина в письме об обстановке междуцарствия, ускорявшей открытое выступление тайного общества. Сам Пушкин неоднократно рассказывал друзьям (Соболевскому, Вяземскому, Мицкевичу) о своей попытке выехать из Михайловского в Петербург в декабрьские дни — он «бухнул бы в самый кипяток» подготовки восстания

¹ Ошибка памяти Пущина: Раевский сидел в это время в крепости около трех лет.

² И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., стр. 127. 1925.

³ А. С. Пушкин. Переписка, ред. В. Саягов. СПб, т. I, стр. 317—318, 1906.

14 декабря на квартире Рылеева. «Меня приняли бы с восторгом», — говорил Пушкин¹.

Соболевский передавал со слов Пушкина, что тот сначала поехал прощаться с тригорскими соседками — дорогу ему перебежал заяц. Примета произвела угнетающее впечатление на Пушкина, но решения ехать поэт не отменил. Сани тронулись от подъезда, но тут в воротах Пушкину встретился поп, шедший «проститься» с отъезжающим баринном — это и решило вопрос о возврате. Напрашивается предположение, что здесь сыграла роль не простая «примета». Местный поп был правительственным шпионом, у которого Пушкин состоял под надзором. Поп этот, конечно, имел свою агентуру среди дворовых Пушкина и быстро оповещал о всех событиях в Михайловском (он, например, немедленно появился у Пушкина, как только к нему приехал Пущин). Если так, то вполне понятен отказ Пушкина от поездки — вслед за ним полетел бы немедленно донос по начальству, и на собрание у Рылеева он пришел бы не один, а привел бы за собой шпиона.

Следствие раскрыло связи Пушкина и декабристов. В первые же дни следствия имя Пушкина прозвучало на допросах: один из строевых начальников восстания 14 декабря, в числе первых приведший на площадь войска, А. Бестужев, отвечая на вопрос о причинах своего вольномыслия, в числе других причин назвал стихи Пушкина. Стихи эти были агитационным оружием в руках декабристов. Они отражали их идеологию и в то же время были ее организаторами. Стихи Пушкина боролись против самодержавия и крепостничества в рядах декабристов. При помощи стихов Пушкина декабристы иногда испытывали настроение новичка и лишь затем переходили к общим политическим вопросам. Стихи Пушкина в качестве своеобразных прокламаций разбрасывались в местах расположения армии и читались на тайных собраниях декабристов. «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло», — показал 5 апреля 1826 г. Бестужев-Рюмин. В тесной связи с этим показанием стоят известные строки в письме Жуковского к Пушкину от 12 апреля того же года: «В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством»².

Во время следствия над декабристами Николай I отдал свой пе-

¹ С. А. Соболевский. Таинственные приметы в жизни Пушкина. Русский Архив. 1870, стр. 1386—1387; К. Я. Грот. Пушкинский музей. СПб, стр. 107, 1911.

² А. С. Пушкин. Переписка. Под ред. В. Саятова, т. I, стр. 340.

чально-знаменитый приказ: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». В огне погибло огромное количество пушкинских текстов. Но один из них случайно уцелел. Это «Кинжал», написанный на память (в порядке следственных показаний) декабристом Громнитским (подлинник показаний — в деле члена общества Соединенных славян — Иванова). Текст «Кинжала» в показаниях Громнитского расположен на двух смежных страницах следственного дела, заполненных как внутри, так и на обороте, — его нельзя было «вынуть и сжечь», потому что это повлекло бы уничтожение следственных показаний. Военный министр Татищев изыскал иной способ «уничтожения» «Кинжала»: он вооружился гусиным пером, густо зачеркнул крамольные пушкинские строки и снабдил их замечательной скрепой: «с высочайшего соизволения помарал военный министр Татищев».

Николай I сейчас же после восстания почувствовал, какую тесную связь имела с русской литературой та окровавленная Сенатская площадь, через которую он прошел к ступеням своего трона. Сколько было поэтов и писателей среди участников восстания — Рылеев, А. Бестужев (Марлинский), Кюхельбекер, Одоевский! Николаю I надо было как-то «мириться» с литературой, разыгрывая роль покровителя культуры. Он пытался привлечь на свою сторону Пушкина: по его распоряжению поэта внезапно вызвали из Михайловского в Москву, он был принят и «прощен» Николаем I, обещавшим ему тяжелую «милость» — стать его цензором.

Анализ дальнейших отношений Пушкина с правительством не входит в задачу настоящей статьи. Можно лишь сказать кратко: Пушкин никогда не переходил на сторону Николая I и никогда не предавал забвению память о декабристах. Послание к декабристам в Сибирь говорит о глубокой вере Пушкина в дело декабристов:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

«Но их дело не пропало» — как бы перекликаются с пушкинским стихом известные слова Ленина о декабристах¹.

В 1827 г. Пушкиным написано стихотворение «Арион» (легендарный греческий поэт и музыкант, спасшийся на спине дельфина от гибели в морской пучине). Пушкин говорит тут о себе как о члене декабристского коллектива.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 468, статья «Памяти Герцена».

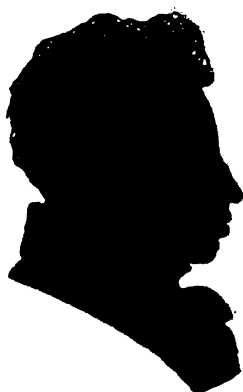
Нас было много на челне;
 Иные парус натягали,
 Другие дружно упирали
 В глубь мощны весла. В тишине
 На руль склонясь, наш кормщик умный
 В молчаньи правил грузный челн;
 А я — беспечной веры полн,
 Пловцам я чел... Вдруг лоно волн
 Измял с налету вихорь шумный...
 Погиб и кормщик, и пловец —
 Лишь я, таинственный певец,
 На берег выброшен грозою,
 Я гимны прежние пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнце под скалою.

После разгрома декабристов революционное движение в России долгое время не могло оправиться от нанесенного ему удара. В стране отсутствовал революционный центр. В этих условиях, лишенный связи с каким бы то ни было революционным коллективом, одинокий и подавленный разгромом революционного движения, Пушкин глубоко задумывается над особенностями своего времени. Некоторое время он ставит перед собой вопрос: а не является ли в данный момент самодержавие прогрессивной исторической силой, подобно тому, как это было в эпоху Петра I? После длительного раздумья над этим вопросом Пушкин приходит к отрицательному ответу и возвращается к решительному политическому протесту против самодержавия.

В конце своей жизни Пушкин начинает расти в сторону нового, лишь слегка наметившегося в тот момент этапа революционности — крестьянской, разночинной революционности.

Таков сложный путь взаимоотношений Пушкина с революционным движением. Сказанное не исчерпывает, разумеется, поставленной темы, она слишком сложна. Но из только-что изложенного все же ясно, как крепка и органична связь Пушкина с революционным движением его времени.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937